

ОГЛАВЛЕНИЕ

Примечание автора	7
Пролог.	8
Глава 1.	13
Глава 2.	20
Глава 3.	31
Глава 4.	37
Глава 5.	47
Глава 6.	57
Глава 7.	65
Глава 8.	73
Глава 9.	81
Глава 10.	95
Глава 11.	100
Глава 12.	110
Глава 13.	118
Глава 14.	130
Глава 15.	138
Глава 16.	144
Глава 17.	153
Глава 18.	161
Глава 19.	166

Глава 20	174
Глава 21	181
Глава 22	190
Глава 23	201
Глава 24	206
Глава 25	213
Глава 26	225
Глава 27	232
Глава 28	238
Глава 29	245
Глава 30	252
Глава 31	260
Глава 32	267
Глава 33	272
Глава 34	277
Глава 35	282
Глава 36	290
Глава 37	298
Глава 38	303
Глава 39	312
Глава 40	321
Эпилог	329
Расширенный эпилог	332
Благодарности	348
Об авторе	349

Посвящается всем непонятым душам

Примечание автора

«Скверная» — современный темный «любовный роман».

Это занятная сказка, не фэнтези и не ретеллинг.

Главная героиня — злодейка. Если вы ищете комфортного чтения, уверяю вас, на этих страницах вы его не найдете.

В «Скверной» содержится контент для взрослых, подходящий не для всякой аудитории. Понятия добра и зла в темных «любовных романах» относительны. То, что кому-то покажется непроглядно черным, другой человек сочтет светло-серым. *Поэтому читайте эту книгу на свой страх и риск.*

Я бы предпочла обойтись без спойлеров, но, если вам нужен детальный список предупреждений, вы сможете найти его на EmilyMcIntire.com.

«О сердце судят не по тому, как сильно любишь ты, а по тому, как сильно любят тебя другие».

*Л. Фрэнк Баум,
«Удивительный волшебник страны Оз».*

ПРОЛОГ

ЭВЕЛИНА

В семнадцать лет

Горе — странная штука.

Это единственное на свете чувство, которое люди, как они утверждают, понимают, но относятся к нему как к чему-то обременительному.

Время лечит все раны, Эви.

Идите к черту!

Время ничего не лечит. Просто позволяет ранам разрастаться и гнить.

Я верчусь на своем месте. Старая деревянная скамейка царапает бедра, и я морщусь. Моя сестра Дороти — единственная оставшаяся в живых — пристально смотрит на меня, словно моя возня может привлечь ненужное внимание. Можно подумать, все присутствующие и так уже не смотрят в нашу сторону только затем, чтобы тайком ей полюбоваться.

Ее пышные каштановые волосы просто изумительны. Дороти собрала их сегодня в высокий хвост, который раскачивается, когда она поворачивается к священнику. Тот бубнит о вещах, в которых ничего не смыслит. О том, что мертвые остаются в наших вос-

поминаниях, и никто не уходит в забвение. Но я не свожу глаз с Дороти. И этих ее дурацких раскачивающихся прядей волос каштанового цвета.

У меня так и чешутся руки намотать их на кулак и тянуть, пока я не выдерну их с корнями. Чтобы удержаться, я засовываю их под руки. Как бы мне ни хотелось задуть Дороти, сегодня не до нее.

Сегодня день Нессы.

Несса всегда называла меня рабыней своих порывов, так что я постараюсь их сдержать. Как-никак, это ее поминальная месса.

Это странное ощущение снова комком подкатывает к горлу.

Горе.

Иногда оно текучее, будто морские волны, а иногда застывшее, словно статуи, вырезанные из камня. Сейчас оно похоже на твердый тяжелый камень в груди.

Я прикусываю себя изнутри за щеку, стараюсь не сорваться.

Отец, сидящий по другую сторону от Дороти, прочищает горло, и я перевожу на него взгляд. Рассматриваю татуировки, которые тянутся по пальцам и исчезают в рукаве рубашки. Время от времени я стараюсь их изучить, выискивая скрытые подсказки насчет того, что они означают и не изображают ли одна из них меня. Но, скорее всего, ему захотелось изрисовать себя просто от скуки. Это не шутка — восемь лет гнить в тюремной камере размером шесть на восемь футов¹.

Он искоса поглядывает на меня. В выцветших светло-карих глазах скользит печаль. Одной рукой отец обнимает Дороти, и она кладет голову ему на плечо.

¹ 1,8 на 2,4 метра (здесь и далее примечания переводчика).

Не знаю, отчего у него такой страдальческий вид: из-за потери Нессы или из-за всех лет, которые он пропустил. Может, причина и вовсе в чем-то другом.

На самом деле это не важно.

Мы спокойно жили без него, а теперь он вернулся и делает вид, будто не оставлял семью ни с чем, наворотив дел.

Сегодня жарко, и хотя середина лета в Кинленде, штат Иллинойс, обычно вполне терпима, сейчас я словно стораю заживо. Мой взгляд скользит по комнате, подмечая какие-то инициалы и узоры, вырезанные на скамьях из светлого дерева; цветные блики от витражей, отражающиеся на блестящем полу. Я считаю склоненные головы людей, которые позаботились прийти, предпочитая не придавать значения тому, что они либо дремлют, либо перешептываются, как будто нет ничего зазорного в том, чтобы сплетничать по время поминальной мессы по самому важному человеку в моей жизни.

— Но на первом месте, — звучит голос священника, отражаясь эхом от высоких сводов собора, — для Нессы Уэстерли всегда была семья и вера. И никто не может лучше рассказать о ее любви к семье и Богу, кроме той, кого она любила больше всех... ее сестры.

Мое сердце бешено колотится, я вгоняю ногти в деревянную скамью так, что кажется, будто они сейчас сломаются. Я и не знала, что мне придется выступать с речью. Но я скажу, потому что Несса была для меня больше, чем сестра. На десять лет старше — и на целую вечность мудрее, — она растила меня с девятилетнего возраста, после того, как отца поймали с контрабандой в хвосте его самолета и бросили за решетку. Хотя, по правде говоря, Несса стала заботиться обо мне задолго до этого. Я чувствую, как к моему горлу

подкатывает комок. Черт, что мне делать теперь, когда ее больше нет?

У меня в голове мелькает случайная мысль — интересно, покажет ли свое гнусное лицо наша мама? Знает ли она, что ее старшая дочь мертва, в то время как человек, которого она, по ее словам, любила, а потом бросила, вышел на свободу? Я отбрасываю эту мысль, уж лучше считать, что она умерла и гниет в могиле. Так ей и надо за то, что она сбежала с тонущего корабля — бросила нас, когда отца посадили.

Я снова украдкой гляжу на Дороти и прищуриваюсь, видя, как она вытирает глаза платком. Как будто у нее есть право скорбеть. Она ненавидела Нессу.

Если честно, меня она тоже ненавидит, но в случае с нашей сестрой это было другое, более переменчивое чувство. Поначалу это была просто чистая зависть. Несса была старшей из нас и самой красивой. Она привлекала внимание самим своим существованием. А Дороти... она была второй. Синдром среднего ребенка во всей красе.

Когда папу посадили, он напутствовал Нессу, сказав, что хочет ею гордиться. Ни мне, ни Дороти он не произнес ни слова. После этого Дороти изменилась. Ее зависть переросла в ненависть, и позднее из озлобленного ребенка выросла «идеальная» женщина с глубоко укоренившимся комплексом Электры¹.

Она так блестяще играет свою роль, что из нее вышла бы прекрасная актриса.

Вдохнув побольше воздуха, я отбрасываю воспоминания и собираюсь встать, но не успеваю это

¹ Комплекс Электры — понятие психоанализа, комплекс, проявляющийся у девочек в их отношении с отцом и матерью, аналог эдипова комплекса

сделать, как Дороти поднимается и, оттолкнув меня, проскальзывает между скамьями в проход. Она едва достаивает меня взглядом, но у меня горят глаза, когда я наблюдаю за тем, как эта сучка поднимается на возвышение. Ее гребаный каштановый хвост раскачивается на ходу, серебристые каблучки цокают по деревянному полу.

Я устремляю взгляд на ее ноги и до боли стискиваю зубы.

Туфли Нессы.

Боже, вот сука. Да... горе — странная штука. Как и гнев.

А я в ярости.

Я злюсь на Нессу за то, что она позволила себя убить. И на Дороти за то, что та ее убила.